

УДК 94(470)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/19

ПРЕБЫВАНИЕ АВСТРО-ВЕНГЕРСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И БЕЖЕНЦЕВ В ПОВОЛЖЬЕ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)*

Б.К. Дулатов

Остравский университет

Чешская Республика, 701 03, г. Острава, ул. Дворжакова, 7

E-mail: berikdulatov2014@gmail.com

Авторское резюме

Автор на основе архивных материалов освещает некоторые эпизоды пребывания подданных Австро-Венгерской империи на территории Поволжья в России в 1916–1917 гг. В тот период в Царицынской и Саратовской губерниях находилось определенное количество лиц иностранного происхождения, которые подразделялись на военнопленных и беженцев. Научный интерес вызывают их социальное и экономическое положение, вопросы их финансирования, а также особенности использования труда военнопленных на сельскохозяйственных работах, взаимоотношения с работодателем, процесс распределения военнопленных в уездах местными властями, а также на государственном уровне. Рассмотрены размер заработной платы военнопленных, задействованных в крестьянских хозяйствах, залога, вносимого работодателем, условия содержания, обеспечение едой и одеждой. В условиях военного времени и тяжелой экономической ситуации российской власти призывали к «рациональному» использованию военнопленных, что подразумевало под собой задействование их на производстве или в хозяйстве в качестве «черновой» рабочей силы. Однако, несмотря на эти требования, были зарегистрированы случаи, когда иностранные граждане пытались найти работу, исходя из своих знаний, умений и

* Статья была подготовлена в рамках проекта SGS07/FF/2018–2019.

профессиональных навыков, полученных на родине в довоенный период. Зачастую эти люди не оставались безучастными к происходившим в России политическим изменениям. В результате Февральской и Октябрьской революций наблюдались попытки самоорганизации военнопленных и беженцев, установления контактов с представителями сначала Временного, а потом большевистского правительств. Представители различных национальностей организовывали комитеты, кружки и общества с целью возвращения на родину, преодоления финансового кризиса, оказания помощи нуждающимся согражданам и т. д. С другой стороны, представители российской администрации, несмотря на политическую нестабильность в регионе и в стране, всячески старались вести планомерную работу по учету и контролю иностранных граждан.

Ключевые слова: Первая мировая война, Поволжье, Царицынская губерния, Саратовская губерния, военнопленные, Австро-Венгрия, чехословаки, поляки, беженцы.

AUSTRO-HUNGARIAN PRISONERS OF WAR AND REFUGEES IN THE VOLGA REGION IN THE CONTEXT OF THE ECONOMIC AND POLITICAL PROCESSES DURING WWI (BASED ON THE MATERIALS OF THE STATE ARCHIVE OF VOLGOGRAD REGION)*

B.K. Dulatov

University of Ostrava

7 Dvořákova, Ostrava, 701 03, Czech Republic

E-mail: berikdulatov2014@gmail.com

Abstract

Drawing on the archival materials, the author describes some episodes of the stay of the Austro-Hungarian subjects in the Volga region in Russia in 1916–1917, when Tsaritsyn and Saratov gubernias housed a certain number of foreigners, who were divided into prisoners of war and refugees by their social status. In this paper, the author focuses on their social and economic situation, financing, use of their labour in agriculture, relations with employers, their distribution by local authorities in the region and on the state level. Among questions considered are the wage rates of prisoners of war in peasant farms, the security paid by the employer, living conditions, provision

---

* This research is part of Project SGS07/FF/2018-2019.

of food and clothing. In the context of wartime and difficult economic situation, the Russian authorities called for the “rational” use of prisoners of war, which meant using them in production or on farms as unskilled workers. However, despite these requirements, foreign citizens were sometimes recorded as trying to find a job, basing on their pre-war knowledge and professional skills. On the other hand, this category of people did not remain indifferent to the political changes in Russia. As a result of the February and October revolutions, prisoners of war and refugees attempted to self-organise and establish contacts with representatives of the Provisional and later Bolshevik governments. Representatives of various nationalities organised committees and societies aimed at returning people to their homeland, overcoming the financial crisis, helping the needy fellow citizens, etc. Despite the political instability in the region and country, representatives of the Russian administration did their best to carry out systematic work on the registration and control of foreign citizens.

Keywords: WWI, Volga Region, Tsaritsyn province, Saratov province, prisoners of war, Austria-Hungary, Czechoslovaks, Poles, refugees.

Активное участие Российской империи в Первой мировой войне наряду с военными поражениями и успехами сопровождалось нарастанием социально-экономического кризиса. Многие представители российской общественности рассматривали войну как глобальный негативный фактор. В тот период в государстве концентрировалось огромное количество лиц иностранного происхождения, которые уже по факту наличия представляли реальную угрозу внутренней безопасности страны. Со всей очевидностью делался вывод о нараставшей проблеме содержания многих десятков тысяч военнопленных и беженцев. На уровне имперского правительства и губернской администрации предпринимались различные усилия для ее разрешения. Основной целью данного исследования является рассмотрение проблемы взаимоотношений местных граждан с военнопленными и беженцами Австро-Венгерской империи. Важной задачей становится вопрос о том, насколько устойчивым являлись указанные социальные категории граждан, степень их открытости или замкнутости. Ситуацию, в которой оказались граждане Австро-Венгрии (на примере Судачьинской волости Аткарского уезда), можно спроецировать на другие регионы без учета очевидных локальных особенностей местности.

Предметом исследования являются экономическое и социальное положение иностранных поданных, их политические интересы, результаты взаимодействия с представителями официальной власти, которые несколько раз менялись за 1917 г. Другой немаловажной частью научных изысканий являются взаимные контакты между

работодателями из числа местных жителей и военнопленными, занятыми на сельскохозяйственных и промышленных работах, а также роль государственных институтов в распределении пленных. Еще одной гранью исторического обзора стал вопрос о самоорганизации большой массы иностранцев, которые в результате политического кризиса и неразберихи 1917 г. пытались либо примкнуть к определенной группировке, либо покинуть пределы Российского государства и вернуться на родину.

На сегодняшний день проблема изучения истории судеб иностранных лиц, оказавшихся в результате исторических событий далеко от своей родины, приобретает не только научно-познавательный, но и гуманистический, глубокий этический смысл.

В современной российской и зарубежной историографии есть ряд фундаментальных научных работ, посвященных теме иностранных военнопленных и беженцев в России. Одна из первых таких работ – труд члена Центральной коллегии по делам пленных и беженцев Н.М. Жданова, в котором достаточно подробно проанализированы вопросы, связанные с условиями пребывания в плену иностранных солдат и офицеров Первой мировой войны (Жданов 1920).

Стоит отметить, что новый виток научного интереса к проблеме военнопленных возник в 50–60-е гг. прошлого века. Так, например, в тот период была издана работа И.В. Маевского, посвященная проблеме влияния трудовой активности военнопленных на промышленную экономику в 1914–1918 гг. (Маевский 1957).

Исследования экономического положения в русских деревнях в годы Первой мировой войны стали основой для теоретических изысканий А.М. Анфимова (Анфимов 1962). Особенности использования труда военнопленных на промышленных объектах и в аграрном секторе и их взаимодействие с рабочими и крестьянами освещены в исследованиях Б.М. Фрейдлина и Л.С. Гапоненко (Фрейдлин 1967; Гапоненко 1970). Процесс трудовой мобилизации военнопленных и их роль в экономике страны отражены в исследовании П.В. Волобуева (Волобуев 1964).

Проблеме международного статуса военнопленных Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны, вопросам их обмундирования, питания, санитарного состояния посвящена научная работа С.Н. Васильевой (Васильева 1999).

О деятельности коллегии по делам военнопленных и беженцев сообщается в труде И.П. Щерова (Щеров 2000). Вопросу формирования устойчивых политических организаций среди военнопленных уделена большая часть исследовательской работы Ю.И. Смирнова (Смирнов 2008).

Среди работ, географический охват которых сконцентрирован на регионе Поволжья, следует отметить результаты научных поисков В.П. Семьянинова, А.В. Посадского, А.В. Калякиной (Семьянинов 1988; Посадский 2010; Калякина 2014). Отдельного упоминания заслуживает исследование Е.К. Максимова и В.П. Тотфалушина о положении военнопленных в Саратовской губернии (Максимов, Тотфалушин 2007).

В чешской историографии прежде всего выделим научный труд Итки Заблоудиловой, где она дает оценку такому понятию, как плен, в процессе изменения его значения во время Первой мировой войны, вскользь останавливаясь на положении чешских военнопленных в России (Zabloudilova 2018).

По-научному интересными являются исследования Д. Вахи, в которых автор уделяет внимание вопросам повседневной деятельности военнопленных и легионеров, причинам вступления чехов и словаков в легион, формам проведения досуга, особенностям взаимоотношений с местным населением (Vácha 2015; Vácha 2016).

Чешский исследователь Карел Пихлик в своих работах сконцентрировал внимание на том, при каких условиях осуществлялось возвращение чешских и словацких военнопленных на родину (Pichlík 1991). Подобную тему в современный период освещают статьи и монографии о проблеме репатриации бывших военнопленных Австро-Венгрии и Германии Р. Нахтигала, Г. Лейденгера и В. Моритца (Leidinger, Moritz 2003; Nachtigal 2008).

Коллективный труд чешских историков К. Пихлика, В. Вавры и Я. Кржижека посвящен истории чехов и словаков, их участию в войне на Восточном фронте, а также процессу их вовлечения в гражданскую войну в России и политическому разделению на белых и красных (Pichlík, Vávra, Křížek 1967).

Источниковой базой для данной работы послужили архивные и музейные фонды. В работе использованы материалы фондов Государственного архива Волгоградской области и государственного историко-мемориального музея-заповедника «Сталинградская битва».

К первой группе архивных источников относятся документы, касающиеся вопросов найма и содержания военнопленных в период с 1916 по 1918 г., например, циркуляры, распоряжения, приказы Аткарской уездной земской управы по продовольствию, которые высылались в волостные правления. Здесь же стоит упомянуть о списках домохозяев определенных сел и поселков, которым требовались военнопленные в качестве рабочей силы, и списки военнопленных, направленных к этим домохозяевам на сельскохозяйственные работы.

Вторая группа источников – это адресованные представителям большевиков заявления военнопленных, суть которых сводилась к

прошениям и просьбам о получении разрешения на переезд в другие регионы России или о возвращении на их историческую родину. Среди этих документов встречаются протоколы о численности и проблемах офицеров и солдат иностранного происхождения, трудившихся на некоторых промышленных объектах региона, о беженцах-поляках и их бедственном положении в результате войны, прошения о финансовой поддержке для этих категорий лиц, адресованные местным исполнительным комитетам Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Третью группу источников составляют материалы о военнопленных в 1921–1922 гг., когда молодое государство проводило учет проживавших на ее территории иностранных подданных с целью их последующей отправки на родину. Основную массу представляют удостоверения, выписанные иностранным гражданам, справки, подтверждающие их статус военнопленного или беженца, виды на жительство для подданных бывшей Австро-Венгерской империи.

Методологической основой исследования являются традиционные принципы и методы исторического познания, основополагающие из которых – принцип историзма и объективности, системность и конкретность изложения материала, а также применяемый в научных исследованиях ценностный подход.

Поток военнопленных во второй фазе Первой мировой войны увеличился. Отдельно отметим, что на территории Поволжья преимущественно содержались военнопленные, которые относились к славянским народам. Ряд источников, а также исследования современных историков указывают на разницу в статусе военнопленных-славян, с одной стороны, и немцев, австрийцев и венгров – с другой. Еще в 1907 г. на II Гаагской конференции ее участникам удалось договориться по вопросу об отношении к подданным вражеских государств, попавшим в плен. В 1914–1915 гг. эти правила, ставшие для военных чинов юридической основой, были дополнены и приняты за основу. Как российские, так и зарубежные ученые указывают, что пленные из числа немцев и венгров считались «неблагонадежными» и их в основной своей массе отправляли в лагеря на территории Сибири, Урала и Средней Азии. Военнопленные германской и австро-венгерской армий славянского происхождения концентрировались в большинстве случаев на территории, подконтрольной Казанскому военному округу, куда относилась и территория Царицынской и Саратовской губерний. В целом, как отмечают исследователи, пребывание в плену поляков, чехов и словаков (в сравнении с немцами, австрийцами и венграми) отличалось более мягкими условиями (Журбина 2008; Нахтигаль 2014; Федорова 2014).

В 1916–1918 гг. военнопленные пребывали в отдаленных от фронта регионах, ориентированных на сельское хозяйство (Симбирская, Саратовская, Царицынская губернии в Поволжье). Пленных в основном задействовали на сельскохозяйственных работах. Отношение к ним со стороны работодателей было разным, в зависимости от субъективных и объективных факторов. Все работодатели сохраняли заинтересованность в эффективной деятельности военнопленных.

Ситуация в ряде губерний, в т. ч. и в Саратовской, усугублялась притоком беженцев. Они, в отличие от военнопленных, имели совершенно иной статус, но их концентрация в Саратовской губернии вызывала озабоченность местных властей, которые в ограниченные сроки обязывались решить глобальные задачи их размещения, пребывания в зависимости от профессиональной специализации и удовлетворения социально-экономических нужд. 27 января 1916 г. губернская администрация получила телеграмму Министерства внутренних дел, в которой указывалось на необходимость оказать помощь беженцам (ГАВО 1: 3).

В тот период администрация проводила системную работу в вопросах беженцев. Руководство губернии приняло решение привлечь их на сельхозработы в качестве рабочих местных сельских хозяйств. Вследствие данного решения местным работодателям предлагалось принять с наступлением весенних работ беженцев в качестве сельскохозяйственных рабочих. Для этого следовало определиться с конкретным количеством беженцев, которых могли и желали принять местные хозяйства. Параллельно выдвигались проблемные вопросы о системе оплаты труда наемных рабочих в зависимости от их пола и возраста. Каждому беженцу, задействованному на сельскохозяйственных работах, полагалось причитавшееся от казны пособие. Оно выдавалось сверх получаемого жалованья. На подготовку соответствующей отчетной документации в волостях губернии давался ограниченный срок.

В большинстве своем военнопленные в местах концентрации содержались за счет имперской казны, и их пребывание в бездействии в лагерях и бараках определено было обременительным. Очевидно, размещение пленных среди крестьянских хозяйств и прочих категорий работодателей в значительной мере снижало финансовую нагрузку на государственную казну. Однако, как продемонстрировал определенный анализ, пребывание значительного количества военнопленных у частных работодателей вызвало усиление негативной реакции в системе взаимоотношений между ними и работодателями. Часть озлобленных, голодных и оборванных пленных представляли потенциальную опасность для политической стабильности в регионе.

В конечном итоге администрация лагерей военнопленных по факту их возвращения от работодателей сигнализировала о необходимости дополнительного финансирования, что отражалось на состоянии государственных ресурсов, которые затрачивались на военные нужды. На местах проводилась канцелярская деятельность по поиску военнопленных и их упорядочиванию согласно заданным критериям.

В разгар весенне-полевых работ 1916 г. губернские власти актуализировали проблему улучшения условий жизни военнопленных. В уездах и волостях постепенно внедрялась программа удовлетворения экономических запросов пленных. Так, например, Аткарская уездная земская управа 27 апреля 1916 г. обратилась с просьбой к Судачьинскому волостному исполкому объявить крестьянам и мелким владельцам волости, что, согласно постановлению, каждый работодатель обязывался за использование труда военнопленного выплачивать 4 руб. в месяц, из которых 1 руб. платился казне, а 3 руб. – военнопленному (ГАВО 1: 4).

По решению управы в обязанности работодателей входило обеспечение военнопленных обмундированием, т. е. выдача им белья, одежды и обуви. Согласно приказу начальника Саратовской местной бригады по части военнопленных от 7 августа 1915 г. за № 8030, военнопленным полагались две смены белья в год (по две сорочки и двое кальсон), фуражка или шапка, теплая рубаха или куртка, пальто или теплый пиджак. По циркуляру вводились строго установленные критерии видов и качества шаровар, верхней одежда и обуви. Эти виды обмундирования следовало выдавать военнопленным сроком не менее чем на год по образцу, подходящему к военному, крестьянам вменялось вместо сапог выдавать башмаки, боты и прочие виды обуви.

Работодатели обязались содержать пленных, т. е. кормить их т. н. крестьянской пищей. Те работодатели, которые не имели возможности использовать пленных по данной модели, обязывались сдать имевшихся у них военнопленных в распоряжение управы и на соответствующий срок сдачи произвести финансовые расчеты с управой и работником-военнопленным (ГАВО 1: 4 об.).

Вся документация по системе взаимодействия управы, работодателей и пленных оформлялась под расписки владельцев. В мае 1916 г. Аткарская уездная земская управа направила циркулярное препровождение для информирования и исполнения крестьянами волости, которые имели в своем хозяйстве военнопленных. В содержательной части данного документа сообщалось о распоряжении командующего войсками округа о необходимости возвращения военнопленных военному ведомству полностью экипированными, «одетыми, обутыми и

снабженными двумя сменами белья». В противном случае ведомство ввиду невозможности вновь снабдить пленных необходимым количеством белья отказывалось их принимать. Таким образом, можно сделать вывод, что руководство штаба Казанского военного округа проявляло определенную озабоченность материально-бытовым состоянием и снабжением элементарными вещами военнопленных согласно природно-климатическим условиям страны (ГАВО 1: 6).

Во второй половине 1916 г. в уездах и волостях местные власти проводили ревизию системы распределения военнопленных среди местных работодателей. Работодатели жаловались в земскую управу на неправильное распределение попечительствами военнопленных среди нуждающегося населения. Реальным подтверждением работы попечительств являлись различные документы, в частности, журналы постановлений попечительств, в которых фиксировался процесс распределения военнопленных. Очевидно, прежде всего их следовало распределить среди нуждавшихся аграриев, к коим относились терпевшие экономические убытки вследствие определенных сложностей, вызванных войной (мобилизация на фронт, увеличение финансового и налогового бремени).

В волостях осуществлялась деятельность по уточнению списка домохозяев, которым требовалась дополнительная рабочая сила, и поэтому они хотели взять на хозяйственные работы военнопленных. Так, уже в июле 1916 г. волости предоставили соответствующие списки, заверенные волостными старшинами. Согласно этим спискам, в каждой волости насчитывалось определенное количество семей. В частности, только в Судащинском сельском обществе Судащинской волости Аткарского уезда насчитывалось 103 пожелавших принять военнопленных хозяйства (ГАВО 1: 14). Они относились к той категории семей, сыновья которых проходили военную службу. Интересы хозяйств представлял один человек. Каждое хозяйство указало на необходимость только одного работника. Очевидно, соответствующий показатель косвенно характеризует экономический статус вышеперечисленных семей, в которых дефицит мужских рук компенсировали трудом наемных рабочих. Определенную значимость выполнял фактор финансового бремени, который возлагался на семьи работодателей. В сущности, данную проблему они решали рационально.

Положение губернии, равно как других прифронтовых местностей, усугублялось постоянным потоком беженцев. Следует отметить наличие новых административных структур, в частности подкомитетов по устройству беженцев и распределению военнопленных. Соответствующие подкомитеты формировались и в Саратовской

губернии. Масштабные работы проводились в сотрудничестве губернатора, губернского правления, губернской и уездных земских управ, волостных правлений и полиции. По итогам взаимодействия административно-управленческих структур на уровне уездов и волостей реализовалась задача по снижению социального накала. В июле 1916 г. Судащинский подкомитет по устройству беженцев и распределению военнопленных на сельскохозяйственные работы составил официальный список домохозяев Судащинской волости Аткарского уезда, к которым, согласно постановлению местного подкомитета, распределялись пленные. Так, сообщается, что 17 июля 1916 г. в Судащинскую волость было отпущено 15 военнопленных для распределения на сельскохозяйственные работы нуждающимся семьям призванных на военную службу (ГАВО 1: 15).

Сохранились списки имен и фамилий прибывших военнопленных (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

№ п/п	Фамилия и имя военнопленного
1	Франтынский Мартын
2	Зингор Самоил
3	Хлебничан Андиян
4	Пашка Езов
5	Нецпал Дюро
6	Ганус Дюро
7	Клячко Мартын
8	Гайдаш Езов
9	Цырьак Янус
10	Стромчик Андраш
11	Аравец Яно
12	Догаш Яно
13	Брезено Андрей
14	Швец Иван
15	Куперницкий Езов

Члены данного подкомитета по своему усмотрению распределили поступивших и утвердили список распределения военнопленных. Рутинная работа по распределению пленных между работодателями, а также поиски соответствующих нуждавшихся семей проводились под неусыпным контролем административных структур с ведением документации, ее обязательным протоколированием и соблюдением всех нужных инструкций.

График и принципы работы военнопленных в аграрной сфере сле-

довало выстраивать учитывая особенности весенне-полевой страды и ментальности местных крестьян. На протяжении длительного времени местные аграрии с учетом короткого весеннего периода, как правило, работали без воскресного отдыха. В отличие от местных русских крестьян, военнопленные, выросшие в условиях более умеренного климата, традиционно ориентировались на наличие дня отдыха в их повседневном графике. Соответствующие различия в сфере взаимодействия русских и военнопленных в весенне-летний период могли привести к недопониманию и физическим столкновениям. Поэтому губернская администрация была заинтересована в предотвращении каких-либо противоречий. С этой целью губернатор С.Д. Тверской и его советник П. Кратистов на основании телеграммы начальника Генерального штаба и штаба Казанского военного округа отправили циркуляры всем земским и волостным управам и начальнику полиции Саратовской губернии, согласно которым военнопленных следовало освободить от воскресных дней по примеру русских крестьян, работавших в аграрной сфере без отдыха (ГАВО 1: 16). Данное решение мотивировалось чрезвычайной важностью уборки урожая в ограниченные сроки. При этом в циркуляре предписывалась возможность предоставления военнопленным выходного дня взамен воскресного в другие дни недели.

Некоторые работодатели не желали затрачивать значительные финансовые суммы на содержание пленных. Таким образом, хроническая нерешенность социально-экономических проблем военнопленных способствовала обострению напряженности между ними и их работодателями. На этот вопиющий факт указывал начальник штаба Казанского военного округа в телеграмме от 18 декабря 1916 г. за № 27176 исполняющему делами губернатора С.Д. Тверскому (ГАВО 1: 1). Начальник штаба акцентировал внимание на нежелании ряда работодателей регулярно снабжать бельем и теплой одеждой военнопленных, которые вследствие нерешенности их вопросов отказывались от работ. Работодатели в свою очередь возвращали данный контингент воинским начальникам с ответным требованием заменить пленных и жалобой на их нелояльность. В телеграмме командующий войсками приказывал своим подчиненным впредь принимать обратно пленных, которые зачастую прибывали в оборванном виде и не имели положенного количества комплектов сменного белья. Более того, согласно приказу войсковые командиры в процессе приема соответствующей категории военнопленных от работодателей не должны были заменять их другими пленными, за исключением хронических больных и уголовных преступников. Руководство Саратовской губернии приняло решение распространить

копию данной телеграммы для объявления ее содержания крестьянам, в хозяйстве которых работали военнопленные. Земские управы и волостные управления в ракурсе содержания данной телеграммы и приказа губернской администрации обязывались проводить целенаправленную работу среди работодателей губернии. Таким образом, жалобы начальника штаба военного округа по сути характеризовало нараставшие экономические сложности пребывания и содержания пленных на огромных территориях.

Очевидно, жалоба начальника штаба Казанского военного округа по своей сути являлась одним из тех многочисленных документов, которые характеризовали сложность ситуации пребывания военнопленных в хозяйственных субъектах региона. Губернские власти в сотрудничестве с вышестоящими структурами проводили определенную деятельность, направленную на снижение социальной напряженности.

Повсеместный рост ценовой политики определенно отразился на финансовой составляющей расходов на нужды пленных. В январе 1917 г. в Саратовской губернии фиксировался финансовый рост на их содержание. Подтверждением тому было решение Аткарской уездной земской управы о содержании военнопленных работодателями. Согласно постановлению на каждого владельца, имевшего в своем хозяйстве пленных, возлагалась обязанность уплаты за каждого из них в управу залога в сумме 15 руб. (ГАВО 1: 35). Ранее управа от работодателя получала за военнопленных по одному рублю. По признанию администрации, при условии сохранения старой финансовой политики управа не имела возможности должным образом экипировать эту категорию при их возврате военному ведомству. Поэтому вводился новый залог в объеме 15 руб. Управа предупреждала работодателей о возможности возврата им залоговой суммы при условии удовлетворительного состояния обмундирования в процессе возвращения военнопленных управе.

Вопросу содержания пленных и рационального использования их труда при всех обстоятельствах общего ухудшения внутренней обстановки в империи уделялось значительное внимание. В частности, администрация Саратовской губернии сигнализировала в уездные земские управы о необходимости применения рабочих рук «на работы первостепенной, государственной важности, в том числе для молотбы урожая, обслуживания мельниц». По данным саратовских властей, частные лица нередко использовали пленных в качестве домашней прислуги, приказчиков торговых заведений, бухгалтеров, дворников, водителей, кучеров и т. д. Руководство земств обязывалось фиксировать такую категорию военнопленных-работников и

принимать меры для передачи их на сельскохозяйственные работы. Властям на местах вменялось проводить разъяснительную работу среди местного населения на предмет грамотного использования труда пленных. В ряде волостей фиксировалось количество хозяйств, имевших военнопленных, производился поименный учет домовладельцев и прикрепленных к ним в хозяйство пленных-работников (ГАВО 1: 36).

В период продолжения военных действий сохранялась система взаимоотношений военнопленных с семьями на их этнической родине путем почтовой связи. Для реализации соответствующего проекта на уровне волостей и уездов местные власти регулярно проводили учет и анализ категорий пленных, выявляли их имена и фамилии и т.д. Проведение подобной процедуры обеспечивало налаживание постоянных контактов военнопленных с их семьями, от которых управы получали деньги, посылки и письма, впоследствии передававшиеся адресату. Вполне логично предположить, что подобная материальная и финансовая помощь со стороны родных также способствовала облегчению нужд военнопленных (ГАВО 1: 45).

В феврале 1917 г. в России грянула буржуазно-демократическая революция, по итогам которой династия Романовых сошла с политической арены. В огромном государстве менялись и внутренняя политика, и экономическая ситуация. Февральская революция 1917 г. вызвала значительный общественно-политический резонанс в стране. Военнопленные под влиянием февральских событий проявляли общественную активность, ибо сохраняли заинтересованность в своем будущем. В тот период в Царицыне оформилась и функционировала организация пленных чехословацких офицеров и солдат. В царицынской организации военнопленных состояло 230 офицеров и 300 солдат. Возглавляли ее И. Цизнер и Т. Кесс (ГИМЗ «Сталинградская битва»: КП 13104). Представители этой организации 16 (29) марта 1917 г. направили письма Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Петрограда, Царицына и Киева. Адресные данные письма в определенной мере являлись подтверждением наличия контактов представителя этой группы с подобными организациями военнопленных в указанных городах. Факт написания данного письма, которое подписанты считали официальным документом, следует рассматривать как акт признания соответствующей группой военнопленных нового режима правления, составным элементом которого и важной организационно-идеологической силой являлись Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Отметим факт незначительного расхождения офицерского корпуса и солдатского контингента. Вероятно, по некоторым причинам чешские и словацкие

офицеры не были отдельно кооптированы от рядовых, поэтому немалое число грамотных, дисциплинированных и организованных офицеров определило мобильность соответствующей группы военных.

В летний период 1917 г. многие ранее принятые приказы, циркуляры и постановления продолжали автоматически функционировать. В частности, сохранялась процедура залога за военнопленных в размере 15 руб. Введение этой залоговой суммы вызывало неоднозначную реакцию у работодателей. Безусловно, введение нового финансового залога механически увеличивало денежный объем и расширяло соответствующую сферу ответственности работодателя. В частности, по официальным сведениям Судащинского волостного исполкома от 2 июня 1917 г., на балансе Аткарской уездной земской управы от села Судаچه в качестве залога за пленных находилось 540 руб. (ГАВО 1: 48).

В октябре 1917 г. состоялся переворот в Петрограде, после которого большевики объявили о победе советской власти и создании нового Советского государства. Революционные веяния стали распространяться в регионах официального доминирования сторонников новой власти. В губерниях, значительно отдаленных от центра, сохранялась политически нестабильная ситуация ожидания непредсказуемых перемен. Поэтому осенью 1917 г. во многих провинциях, в частности, в Саратовской губернии, сохранялись элементы дореволюционного устройства. По-прежнему наиболее острым являлся вопрос пребывания военнопленных. В губернии на уровне уездов функционировали уездные продовольственные комитеты, сфера деятельности которых состояла в реализации продовольственной политики. В сохранившихся в архиве копиях журнала заседаний уездного продовольственного комитета есть сведения о том, что в его составе официально функционировали отделы военнопленных. 22 октября 1917 г. состоялось очередное совещание. На нем докладчик по делу военнопленных А.Н. Брагин предложил повысить ежемесячную плату за труд военнопленных. Свое предложение он мотивировал объективными трудностями содержания их управой. По итогам обсуждения комитет принял решение, согласно которому следовало повысить плату за работу пленных: с крестьян – до 6 руб. в месяц, а с городского населения, частных владельцев и т. п. – 10 руб. При этом сохранялась сумма оплаты труда лично военнопленному – как на уровне села, так и города – в размере 3 руб. (ГАВО 1: 53).

Профессиональная специализация и уровень подготовки пленных дифференцировались. Военнопленные с момента своего пребывания на новой территории с учетом условий содержания старались эффективно использовать собственные ресурсы, знания, умения и навыки

для дальнейшей адаптации. Согласно выявленной документации некоторые из них пытались трудоустроиться на т. н. интеллектуальную работу в качестве канцелярских работников, писарей, служащих частных контор и т.д. Это вызывало неоднозначную реакцию официальных властей. В дореволюционный период на уровне губернских правлений актуализировалась задача использования военнопленных по прямому назначению, т. е. на сельскохозяйственных работах или промышленных предприятиях. После Октябрьской революции на местах сохранялись сложности трудоустройства пленных. Некоторые из них, невзирая на изменение политической ситуации, предпринимали попытки самостоятельного трудоустройства в зависимости от образования. Например, австрийский военнопленный офицер Корнелий Пап в декабре 1917 г. ходатайствовал комиссару почтово-телеграфной конторы о предоставлении ему «какой-либо должности» в данном учреждении (ГАВО 2: 2). По его признанию, в довоенный период он работал присяжным поверенным. Пап отмечал знание русского, немецкого, румынского и венгерского языков. Он проживал в лагере на Дар-Горе в районе Царицына (совр. территория Ворошиловского района, г. Волгоград). Принятие на службу Папа проходило при участии исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и революционного комитета Царицынской почтово-телеграфной конторы. По итогам его заседания было принято постановление запросить исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов о принятии на службу военнопленного Папа. Таким образом, трудоустройство последнего рассматривалось в политической плоскости, оценивалась благонадежность его как специалиста в интересах революционного режима.

Летом 1917 г. представители Временного правительства при содействии Российского общества Красного Креста создали Комитет по делам военнопленных, в задачи которого входили организация и обустройство военнопленных, а также их последующее возвращение на родину. Но в результате событий октября 1917 г. деятельность комитета приостановилась.

Большевистское правительство кардинально изменило внутривнутриполитическое устройство, экономический курс и внешнеполитическую стратегию государства. Приход к власти большевиков сопровождался принятием Декрета о мире и последующим выходом из войны. В то время четко обозначилась проблема дальнейшего пребывания и статуса военнопленных, сотни тысяч которых проживали на огромных территориях и содержались за счет государственной казны. Появилась тенденция отправлять пленных на их этническую родину. Эта программа вызвала резонанс в обществе и в среде военнопленных,

которые в своем большинстве стремились вернуться домой.

С момента установления советской власти военнопленные активизировали свою деятельность на предмет их возвращения на родину. Например, 13 декабря 1917 г. в исполком Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов обратился проживавший в Царицыне Эрнест Классен с прошением. В нем он апеллировал к содержанию статьи в газете «Борьба», согласно которой австрийские и германские военнообязанные имели право получить разрешение от властей на переезд в другие российские города. На основании этой статьи Классен просил местный исполком о выдаче ему разрешения организовать выезд германских и австрийских военнообязанных старше 50 лет, женщин и детей в Минск. Классен идентифицировал себя как гражданина, имевшего германское подданство, и указал собственный адрес проживания: ул. Донская, д. 61. Свою просьбу подписант мотивировал невыносимыми условиями пребывания. По его данным, в результате постоянного роста цен на продукты первой необходимости нетрудоспособные граждане вынуждены были существовать на ничтожном пайке. В результате недоедания участились случаи заболеваний. Классен построил лазарет, который за три месяца существования оказался переполненным. В случае переезда соответствующей группы лиц автор обращения гарантировал предоставление каждому из них определенной порции хлеба и соленого мяса на полтора месяца. Пунктом для возможного переезда Классен выбрал Минск, который находился ближе к фронту. Такое территориальное расположение рассматривалось Классеном как приемлемый вариант для обмена этих лиц на проживавших в Германии российских военнослужащих в перспективе при наличии официального разрешения на процедуру обмена со стороны правительства (ГАВО 2: 3).

В Царицыне функционировал отдел Общества вспомоществования бедным семействам поляков, участвовавших в войне, и бедствующему польскому населению, пострадавшему от военных действий (ГАВО 2: 9), официально именовавшийся Царицынским отделом. Очевидно, таких отделов в стране было немало. Представители Польского комитета обратились в Царицынский исполком с просьбой о предоставлении им ссуды в размере 10 тыс. руб. Соответствующие финансы председатель комитета запрашивал для оплаты беженцам пайков за первую половину декабря и содержания учреждений комитета, в частности четырех приютов для детей, двух начальных школ, интерната для учащейся молодежи, дома инвалидов и амбулатории с санитарной помощью. Глава комитета Польского общества помощи жертвам войны квартировал в Петрограде. Царицынское польское общество финансировалось за счет ресурсов петроградского главы комитета

Польского общества. В тот период Царицынский отдел не получил должного финансирования, поэтому его председатель обратился в местный исполнительный комитет за соответствующей помощью. По сообщению председателя комитета, царицынский Польский комитет по инициативе беженцев подвергся реорганизации на демократических принципах, т. е. его состав избирался путем голосования. Таким образом, глава комитета демонстрировал желание представителей этого общества конструктивно сотрудничать с новым политическим режимом. В сложившихся обстоятельствах он выражал надежду на поддержку местной власти, отразив в своем ходатайстве следующее: «...власть революционно-демократическая в лице Советов солдатских и рабочих депутатов не оставит нас своей помощью. В случае невозможности одолжения нам 10 000 р. просим ссудить хотя бы 5 000 для уплаты, по крайней мере, продовольственных и квартирных пайков беднейшим беженцам» (ГАВО 2: 9).

Анализ деятельности Царицынского отдела Польского комитета характеризует организационный уровень и сферу их деятельности. Представители польской общины при взаимодействии с официальной властью создали социальную инфраструктуру, ориентированную на сохранение польской культуры и языка. Подавляющее количество социальных объектов прежде всего было рассчитано на польских детей и молодежь.

Очевидно, действия советского правительства в отношении проблем военнопленных вызвали положительные настроения среди иностранных граждан, проявлявших желание вернуться в Европу. Например, в начале декабря 1917 г. австрийский гражданский пленный Густав Квасто обратился в царицынский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с просьбой о разрешении выехать с семейством на прежнее место жительства, т. е. в Могилевскую губернию. Прошение Квасто из-за его неграмотности написал некто В. Маркс. В течение двух недель с момента составления прошения, 20 декабря, Густав Квасто получил разрешение на переезд (ГАВО 2: 14).

В Царицыне концентрировалась большая группа австрийских военнопленных. В начале ноября они провели митинг, на котором обсудили политическое положение в стране и в мире. По его итогам австрийские пленные обратились в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с просьбой об оказании им помощи. Они выразили солидарность Российской социал-демократической партии и поддержали ее официальный лозунг «Мира без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов». Участники митинга обратились к представителю Царицынского исполкома

Ходожашеву с просьбой о предоставлении возможности возвращения на родину. В своем ходатайстве они просили определять их не как пленных или шпионов, а как «верных товарищей по идеологии, которые желают оказать помощь другим народам», и именовали себя организацией военнопленных. Итак, рассредоточенные в Царицыне австрийские военнопленные в подавляющем большинстве изъявили желание вернуться на родину. Эта группа работала на местном царицынском заводе, который в документации официально именовался французским. В своем обращении организация австрийских военнопленных обозначила свой статус как Социал-демократическая партия французского завода (ГАВО 2: 16).

На царицынском французском заводе работали также уроженцы Польши и Литвы. Осенью-зимой 1917 г. активисты создали царицынскую группу социал-демократов Польши и Литвы. 7 декабря 1917 г. ее представители обратились в Царицынский совет с просьбой разрешить австрийскому военнопленному Р. Рогалю публично выступать на собраниях и митингах. Свое прошение польские представители мотивировали определенными обстоятельствами. По их мнению, до недавнего времени польская группа не имела возможности проводить среди местных беженцев, рабочих-поляков целенаправленную политическую пропаганду из-за отсутствия идеологически подготовленных работников. По их данным, Р. Рогаль в довоенный период работал в системе Социал-демократической партии в Вене и Галиции и, благодаря большому опыту, оказался востребованным в польской группе (ГАВО 2: 19).

В Царицыне в тот же период функционировал лагерь военнопленных. Социально-экономический кризис 1917 г. и изменение политической ситуации вызвали активизацию их умонастроений. Доведенные до отчаяния военнопленные стремились использовать все легальные методы защиты собственных интересов. 21 декабря 1917 г. состоялось собрание военнопленных офицеров лагеря. На нем председатель описал кризисную ситуацию, в которой оказались офицеры, не получавшие жалованье с 20 октября. По сведениям председателя, офицерское жалованье в других городах Казанского военного округа выдавалось исправно. Он выразил мнение, согласно которому полагавшееся жалование в объеме 50 руб. из-за дороговизны было недостаточным для скромного пропитания. Вследствие крайней нужды офицеры продавали имевшиеся у них вещи, в т. ч. одежду, обувь и белье, но значительная часть вырученных за счет продажи денег была израсходована. Ввиду сложившегося критического положения и предстоявших рождественских праздников, на период проведения которых планировалось закрытие всех ведомств, пред-

седатель предложил собрать комиссию. В обязанности этой комиссии входило обращение ко всем воинским, городским, политическим и благотворительным учреждениям «во имя гуманности и санитарных интересов города» принять надлежащие меры для предотвращения голода. Предложение председателя поддержали единогласно (ГАВО 2: 21).

В декабре 1917 г. проживавшие в Царицыне австрийские беженцы обратились в комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с просьбой о выезде в Минскую губернию. Они изъявили желание выехать к состоятельному человеку (в документах значится некто господин Усолнеркевич), который приглашал их на работу. Подобное разрешение австрийские беженцы просили выдать их уполномоченному Феликсу Секашнсу (ГАВО 2: 22).

Военнопленные, ставшие свидетелями выхода России из войны, разложения армии, низкого уровня дисциплины, общественного хаоса, экономического коллапса, разложения общества, явственно осознавали туманные перспективы своего пребывания в скатывавшейся к гражданскому конфликту стране и поэтому задействовали все возможные средства для возвращения на родину. Например, в одном из документов Аткарской уездной продовольственной управы от 4 марта 1918 г. сообщалось, что в городе Аткарске наблюдалось большое количество военнопленных, заинтересованных в отправке домой. Местные граждане отвозили работавших у них пленных для сдачи в Аткарскую управу. В связи с этим в местных казармах проживало до 1 тыс. пленных. Местные власти не имели финансовых и продовольственных возможностей для содержания этой массы, поэтому уездная продовольственная управа на основании распоряжения аткарского исполкома Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов ходатайствовала в волостные Советы обратиться с просьбой к населению волостей воздержаться от возвращения военнопленных в городскую управу хотя бы в течение месяца. Городские власти устанавливали этот незначительный срок для дальнейшего прояснения ситуации, касавшейся определения будущего военнопленных в масштабах губернии и страны, и поиска материальных ресурсов для их содержания (ГАВО 1: 61).

Позднее местные власти на основании решения вышестоящих структур обязывались проводить комплексные мероприятия по осуществлению вопроса пребывания пленных. В частности, согласно приказу комиссариата продовольствия, на уровне волостей следовало проводить их строгую регистрацию. В ракурсе этого приказа уездный комиссариат предлагал Советам осуществить процедуру препровождения военнопленных в Аткарск при участии работода-

теля с обозначением метрических данных военнопленного и сроков пребывания в данном хозяйстве. Всем структурам по иерархической вертикали вменялось пресекать самовольные побеги. Комиссариат просил принять меры по предотвращению «распушенности и безнаказанности военнопленных и в особенности их побегов». Указывалось на предстоящую процедуру обмена пленными, в связи с чем актуализировалась задача их регистрации. Итак, приказ комиссариата в содержательной части отличался жесткими формулировками и в то же время не имел каких-либо новых принципиальных решений, кроме предполагаемого обмена (ГАВО 1: 62).

В годы гражданской войны в местах установления советской власти проводилась системная работа по составлению именных списков австро-венгерских военнопленных, проживавших в конкретной местности. С этой целью проводилась регистрация пленных, на которую они обязывались явиться. Например, 17 октября 1919 г. на регистрацию в одном из населенных пунктов Царицынской губернии прибыло не более 10 чел., которых идентифицировали по таким критериям, как фамилия, имя, отчество, возраст, звание, вероисповедание, время попадания в плен и состояние здоровья. По итогам проведенной работы только в одном населенном пункте проживало 6 военнопленных, статус которых отражен в табл. 2 (ГАВО 3: 109).

Таблица 2

№ п/п	Ф.И.О.	Возраст	Звание	Вера	Когда попал в плен	Состояние здоровья
1	Иван Бонк	28 лет	89-й полк, рядовой	Р-К.	В 1914 г.	Здоров
2	Треченский Андрей Михайлович	28 лет	Из Варшавы	Р-К.	Декабрь, 1914 г.	Здоров
3	Кавальчук Иван И.	18 лет	Буковина, с. Звинячка	Правосл.	Октябрь, 1914 г.	Здоров
4	Бурдель Теофил	Нет данных	–	–	–	–
5	Райхерт Рудольф	31 год	Пех. полк из Галиции	Немец	24 марта 1915 г.	–
6	Горовский Павел Петрович	40 лет	39-й пех. полк, из Львовской губ.	Русский	Ноябрь 1914 г.	–

Таким образом, следует сделать вывод, что иностранные граждане, находившиеся в Поволжье в 1917 г., делились на две группы: военнопленные и беженцы. Военнопленными считались солдаты и офицеры неприятельской армии, попавшие в результате боевых действий или добровольно сдавшиеся в плен, которые до окончания войны были ограничены в правах и свободах. В число беженцев попали прежде всего представители т. н. дискриминированных национальностей – немцы, евреи, поляки. В годы войны их либо заставляли выехать во внутренние губернии, либо они сами вынуждены были покинуть свои дома из-за последствий боевых действий. Отношение местного населения к военнопленным и беженцам было сложным в силу кризисных проявлений затянувшейся войны. Массы измученных боевыми действиями, голодом и болезнями беженцев столкнулись как с сочувственным отношением со стороны общественности, так и с враждебно настроенными группами, которые не желали, чтобы государство и народ, обремененные расходами на войну, содержали их за свой счет.

Государственные власти и местная общественность активно привлекали военнопленных в качестве дешевой рабочей силы как в аграрном секторе, так и на промышленных предприятиях. Хозяйственный тип региона влиял на процентное соотношение задействованных на работах пленных в сельском хозяйстве или промышленных учреждениях. И беженцы, и военнопленные в 1914–1916 гг. преимущественно концентрировались вдоль железных дорог. Следует отметить, что имела место всеобщая неразбериха при подсчете граждан иностранного происхождения. Царское, а затем и Временное правительство, и большевики предпринимали ряд мер по учету данной категории лиц и последующему оказанию экономической, социальной и медицинской помощи.

Следует отметить положительный эффект и значительное влияние граждан Австро-Венгерской империи в российском обществе, в особенности в сфере сельского хозяйства, где использовался труд военнопленных, которые заменили ушедших на фронт работоспособных мужчин. Отдельная категория – это рабочие заводов и фабрик в Царицыне, которые по мере своей активной деятельности передали профессиональные навыки местным рабочим и внесли определенный вклад в экономику региона в годы Первой мировой войны. Сам процесс европейского перемещения и дальнейшей жизни переселенцев в пределах России имел существенные различия в зависимости от региональных особенностей. Современные историки по-разному оценивают значимость пребывания военнопленных на сельскохозяйственных работах и на промышленных объектах. Даль-

нейшие детальные исследования данного вопроса смогут внести определенную лепту в научные диспуты по заданной теме.

ЛИТЕРАТУРА

Анфимов 1962 – *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1962. 384 с.

Васильева 1999 – *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М., 1999. 133 с.

Волобуев 1964 – *Волобуев П.В.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М.: Мысль, 1964. 360 с.

ГАВО 1 – Государственный архив Волгоградской области (далее ГАВО). Ф. 1500. Оп. 1. Д. 1. Документы (циркуляры Аткарской уездной земской управы комиссариата по продовольствию, продовольственной управы, рапорты Судачинского волостного правления, исполкома, списки домохозяев, списки военнопленных и др.) по вопросам найма и содержания военнопленных. 1916–1918 гг.

ГАВО 2 – ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 42. Заявления военнопленных в Царицынский горсовет о разрешении на выезд в другие города России на место жительства и другие вопросы. 1917 г.

ГАВО 3 – ГАВО. Ф. Р-216. Оп. 2. Д. 14. Материал о военнопленных с документами иностранноподданных. 1921–1922 гг.

Гапоненко 1970 – *Гапоненко Л.С.* Рабочий класс России в 1917 г. М.: Наука, 1970. 467 с.

ГИМЗ «Сталинградская битва» – Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва».

Жданов 1920 – *Жданов Н.М.* Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. М.: Военная типография Всероглаштаба, 1920. 376 с.

Журбина 2008 – *Журбина Н.Е.* Военнопленные Германии на территории России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 230–235.

Калякина 2014 – *Калякина А.В.* Под охраной русского великодушия. Военнопленные Первой мировой войны в Саратовском Поволжье (1914–1922). М.: Кучково поле, 2014. 304 с.

Маевский 1957 – *Маевский И.В.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М.: Госполитиздат, 1957. 392 с.

Максимов, Тофталушин 2007 – *Максимов Е.К., Тофталушин В.П.* Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны. Саратов: Научная книга, 2007. 124 с.

Нахтигаль 2014 – *Нахтигаль Р.* Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 142–156.

Посадский 2010 – *Посадский А.В.* От Царицына до Сызрани: очерки гражданской войны на Волге. М.: АИРО-XXI, 2010. 412 с.

Семьянинов 1988 – *Семьянинов В.П.* Советы в деревне в первый год пролетарской диктатуры: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1988. 36 с.

Смирнов 2008 – Смирнов Ю.И. Граждане зарубежных стран и их деятельность в Советской России в 1918–1920-е годы. М.: РЭА им. Г.В. Плеханова, 2008. 282 с.

Федорова 2014 – Федорова Т.В. Проблема социально-бытовых условий содержания австро-венгерских военнопленных на территории Восточной Сибири во время Первой мировой войны // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4-2(84). С. 232–236. DOI: 10.14258/izvasu(2014)4.2-33

Фрейдлин 1967 – Фрейдлин Б.М. Очерки истории рабочего движения в России в 1917 г. М.: Наука, 1967. 340 с.

Щеров 2000 – Щеров И.П. Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. Смоленск, 2000. 92 с.

Leidinger, Moritz 2003 – Leidinger H., Moritz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920. Wien: Böhlau Verlag/ Wien, 2003. 754 p.

Nachtigal 2008 – Nachtigal R. The Repatriation and Reception of Returning Prisoners of War, 1918–22 // Immigrants & Minorities. 2008. Vol. 26, is. 1–2. P. 157–184.

Pichlík 1991 – Pichlík K. Bez legend. Zahraniční odboj 1914–1918: Zápas o československý program. Praha: Panorama, 1991. 424 p.

Pichlík, Vávra, Křížek 1967 – Pichlík K., Vávra V., Křížek J. Červeno bílá a rudá. Vojáci ve válce a revoluci 1914–1918. Praha: Naše vojsko, 1967. 471 p.

Vácha 2016 – Vácha D. Ostrovy v bouři. Každodenní život československých legií v ruské občanské válce (1918–1920). Praha: Nakladatelství EPOCHA, 2016. 440 p.

Vácha 2015 – Vácha D. Bratrstvo. Všední a dramatické dny československých legií v Rusku 1914–1918. Praha: Nakladatelství EPOCHA, 2015. 336 p.

Zabloudilova 2018 – Zabloudilova J. V ruském zajetí: Organizace zajatých Čechů a Slováků v Rusku (1914–1918). Praha: EPOCH, 2018. 264 p.

REFERENCES

Anfimov, A.M. (1962) *Rossiyskaya derevnya v gody Pervoy mirovoy voyny* [Russian village during the First World War]. Moscow: Izd-vo sots-ekon. lit.

Vasilyeva, S.N. (1999) *Voennoplennye Germanii, Avstro-Vengrii i Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny* [Prisoners of war of Germany, Austria-Hungary and Russia during the First World War]. Moscow: Moscow State Open Pedagogical University.

Volobuev, P.V. (1964) *Proletariat i burzhuaziya Rossii v 1917 g.* [The proletariat and bourgeoisie of Russia in 1917]. Moscow: Mysl.

The State Archive of Volgograd Region (GAVO). (1916–1918) *Dokumenty (tsirkulyary Atkarskoy uездной zemskoy upravly komissariata po prodovol'stviyu, prodovol'stvennoy upravly, raporty Sudach'inskogo volostnogo pravleniya, ispolkoma, spiski domokhozyaev, spiski voennoplennykh i dr.) po voprosam nayma i sodernzhaniya voennoplennykh. 1916–1918 gg.* [Documents (circulars of Atkarsk

District Zemstvo Board of the Commissariat for Food, Food Board, reports of Sudachinsky volost administration, executive committee, lists of householders, lists of prisoners of war, etc.) on the issues of hiring and maintenance of prisoners of war]. Fund 1500. List 1. File 1.

The State Archive of Volgograd Region (GAVO). (1917) *Zayavleniya voennoplennykh v Tsaritsynskiy gorsovet o razreshenii na vyezd v drugie goroda Rossii na mesto zhitel'stva i drugie voprosy. 1917 g.* [Applications of prisoners of war to the Tsaritsyn City Council for permission to travel to the place of residence in other cities in Russia and other issues]. Fund R-71. List 1. File 42.

The State Archive of Volgograd Region (GAVO). (1921–1922) *Material o voennoplennykh s dokumentami inostrannopoddanykh. 1921–1922 gg.* [Material about prisoners of war with documents of foreign citizens]. Fund R-216. List 2. File 14.

Gaponenko, L.S. (1970) *Rabochiy klass Rossii v 1917 g.* [The Russian working class in 1917]. Moscow: Nauka.

The State Historical and Memorial Museum-Reserve “The Battle of Stalin-grad”.

Zhdanov, N.M. (1920) *Russkie voennoplennyye v mirovoy voyne 1914–1918 gg.* [Russian prisoners of war in the world war of 1914–1918]. Moscow: Military Printing House of All-Russian General Staff.

Zhurbina, N.E. (2008) German prisoners of war in Russia during the First World War (1914–1918). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication.* 2. pp. 230–235 (in Russian).

Kalyakina, A.V. (2014) *Pod okhranoy russkogo velikodushiya. Voennoplennyye Pervoy mirovoy voyny v Saratovskom Povolzh'e (1914–1922)* [Under the protection of Russian generosity. POWs of the First World War in Saratov Volga Region (1914–1922)]. Moscow: Kuchkovo pole.

Maevsky, I.V. (1957) *Ekonomika russkoy promyshlennosti v usloviyakh Pervoy mirovoy voyny* [The economy of Russian industry in the First World War]. Moscow: Gospolitizdat.

Maksimov, E.K. & Totfalushin, E.P. (2007) *Saratovskoe Povolzh'e v gody Pervoy mirovoy voyny* [Saratov Volga region during the First World War]. Saratov: Nauchnaya kniga.

Nachtigal, R. (2014) Prisoners of war in Russia in the era of the First World War. *Quaestio Rossica.* 1. pp. 142–156 (in Russian). DOI: 10.15826/qr.2014.1.028

Posadsky, A.V. (2010) *Ot Tsaritsyna do Syzrani: ocherki grazhdanskoj voyny na Volge* [From Tsaritsyn to Syzran: Essays of Civil War on the Volga river region]. Moscow: AIRO-XXI.

Semyaninov, V.P. (1988) *Sovety v derevne v pervyy god proletarskoy diktatury* [Soviets in the village in the first year of the proletarian dictatorship]. Abstract of history Dr. Diss. Moscow.

Smirnov, Yu.I. (2008) *Grazhdane zarubezhnykh stran i ikh deyatel'nost' v Sovetskoy Rossii v 1918–1920-e gody* [Foreign citizens and their activities in Soviet Russia in the 1918–1920s]. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics.

Fedorova, T.V. (2014) Problema sotsial'no-bytovykh usloviy sodержaniya avstro-vengerskikh voennoplennyykh na territorii Vostochnoy Sibiri vo vremya Pervoy mirovoy voyny [The problem of social and living conditions of the maintenance of Austro-Hungarian prisoners of war in Eastern Siberia during the First World War]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*. 4-2(84). pp. 232–236 (in Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2014)4.2-33

Freydlin, B.M. (1967) *Ocherki istorii rabocheho dvizheniya v Rossii v 1917 g.* [Essays on the history of the labour movement in Russia in 1917]. Moscow: Nauka.

Shcherov, I.P. (2000) *Tsentroplenbezh v Rossii: istoriya sozdaniya i deyatel'nosti v 1918–1922 gg.* [Tsentroplenbezh in Russia: the history of formation and activities in 1918–1922]. Smolensk: [s.n.].

Leidinger, H. & Moritz, V. (2003) *Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920* [Captivity, Revolution, Homecoming: The Importance of Prisoner of War Problems for the History of Communism in Central and Eastern Europe 1917–1920]. Vienna: Böhlau Verlag/Wien.

Nachtigal, R. (2008) The Repatriation and Reception of Returning Prisoners of War, 1918–22. *Immigrants & Minorities*. 26(1-2). DOI: 10.1080/02619280802442662

Pichlík, K. (1991) *Bez legend. Zahraniční odboj 1914–1918: Zápas o československý program* [Without legends. Foreign Resistance 1914–1918: Match for the Czechoslovak Program]. Prague: Panorama.

Pichlík, K., Vávra, V. & Křížek, J. (1967) *Červeno bílá a rudá. Vojáci ve válce a revoluci 1914–1918* [Red-white and red. Soldiers in War and Revolution 1914–1918]. Prague: Naše vojsko.

Vácha, D. (2016) *Ostrovky v bouři. Každodenní život československých legií v ruské občanské válce (1918–1920)* [Islands in storm. Everyday Life of the Czechoslovak Legions in the Russian Civil War (1918–1920)]. Prague: Nakladatelství EPOCHA.

Vácha, D. (2015) *Bratrstvo. Všední a dramatické dny československých legií v Rusku 1914–1918* [Brotherhood. Everyday and dramatic days of Czechoslovak legions in Russia 1914–1918]. Prague: Nakladatelství EPOCHA.

Zabloudilova, J. (2018) *V ruském zajetí: Organizace zajatých Čechů a Slováků v Rusku (1914–1918)* [In Russian captivity: Organization of captured Czechs and Slovaks in Russia (1914–1918)]. Prague: Epoque.

Дулатов Берик Кайратович – магистр истории, докторант кафедры экономической и социальной истории философского факультета Остравского университета (Чешская Республика).

Berik K. Dulatov – University of Ostrava (Czech Republic).

E-mail: berikdulatov2014@gmail.com